

Эта история произошла около 10 лет назад, когда я, свежий выпускник не самого плохого московского ВУЗа устроился на свою первую работу по специальности. Фирма была небольшая, и занималась тем, что возила продукты фэшн-индустрии («тряпки и тапки», как говорил я про себя) из Западной Европы, в основном из Италии. Работа была нервная, было много «головняков» и с таможенной, и с московской розницей, и с европейскими партнёрами, но не в этом суть.

Когда я пришёл на собеседование, его проводила молодая и привлекательная женщина, которой я на глазок дал лет этак 28—31. Она была директором и со-владелицей фирмы, вторая половина, как я узнал потом, принадлежала через цепочку подставных лиц какому-то крупному чину, поэтому многие наши проблемы удавалось решить «малой кровью».

Меня провели в просторную и светлую переговорную, в центре которой стоял массивный стол красного дерева, с резными ножками, инкрустированными бронзовыми вставками, по четыре вставки на каждой из восьми ножек стола заканчивались бронзовыми полукольцами, размером с половину московской баранки. «Какой богатый, но какой уёбищный дизайн,» — подумал я, — «наверное, это для того, чтобы грузчики могли затащить эту тяжесть сюда через окно, забыли снять». С истинным назначением этих девайсов я познакомился спустя несколько месяцев, причём при не очень благоприятных для меня обстоятельствах.

Директора звали Олеся Эдуардовна Абрамцева. Роста она была среднего, брюнетка, с чувственными, хорошо очерченными губами, карими глазами, небольшим, чуть вздёрнутым носиком и с милыми ямочками на щёчках, когда улыбалась. Простое бело платье хорошо смотрелось на ухоженной, загорелой коже, подчёркивая объёмную, но упругую грудь.

«Интересно, берёт ли она в рот?» — мелькнуло у меня в голове, — «может быть, мне удастся её качественно выебать, а она за это выпишет мне премию, хе-хе». Время показало, как жестоко я ошибался, но сейчас мой член напрягся, сильно подперев молнию джинсов, а на промежности предательски выступила маленькая, но очень заметная на голубой тонкой ткани капля. Я быстро сел в кресло и сделал глубокий вдох.

Собеседование сразу пошло не так, как я рассчитывал. Она сразу стала задавать именно те вопросы, на которые у меня не было «правильных» ответов. Опыта работы по специальности нет, оценки в дипломе неплохие, но и не идеальные, да, был 1 раз отчислен, но ведь восстановился! Олеся Эдуардовна закончила общение стандартной фразой «спасибо, мы вам перезвоним». «Опять облом,» — подумал я, — «ну и хуй с ним, а, точнее, с ней».

Но тут произошло неожиданное. Вставая, чтобы попрощаться со мной, Олеся Эдуардовна рукой случайно смахнула на пол стаканчик с карандашами и ручками, которые, подпрыгивая, раскатились вокруг. Сам не знаю почему, но я мгновенно очутился на полу, встал на колени и стал энергично подбирать всё это. В двадцати сантиметрах от моего носа маячили ступни Олеги Эдуардовны, обутые в кожаные белые сандалии на невысокой платформе. Ногти на ногах были покрашены кричащим ярко-красным лаком, который не слишком-то хорошо гармонировал с её общим, по-деловому сдержанным, стилем. Олеся Эдуардовна стояла молча, подбирая карандаши, я не мог видеть, куда направлен её взор, но мне казалось, что она смотрит на мои ягодицы, активнодвигающиеся во время моей лихорадочной суеты на полу.

Голову я не поднимал, потому что в таком случае невольно заглянул директорше под юбку. «А почему, собственно, нет?» — прошептал мне гаденький внутренний голос, — «если она тебя всё равно не взяла на работу, то хоть зацени фактуру её трусиков! А вдруг там стринги?! Интересно, она давно брила пелотку?!». Тем не менее, я сдержался, и поднялся с колен, как бы случайно отвернув лицо к стенке. По её глазам я понял, что жест был оценен положительно.

«Хотя постоит!» — сказала она, — «вижу, что вы инициативный и энергичный, это важно для нашей фирмы. Если вы позволите, я задам вам ещё несколько вопросов». Уже на следующий день я вышел на работу.

У меня шёл испытательный срок, работа давалась, но ценой больших усилий. Девушки у меня тогда не было, я жил один в маленькой съёмной квартире в Беляево. Иногда после работы не было желания даже подрочить, что меня настораживало и напрягало. Коллектив был хороший, небольшой — около 10 человек. Отношения заладились со всеми, кроме Владислава — 30-летнего красавца-брюнета («и почему все бабы западают на таких вот пидорюг») думал я, и секретарши нашего босса — Лены, которая по непонятной мне причине смотрела на меня недовольно, свирепо и в то же время грустно и с недоумением.

Вообще коллеги вели себя со мной дружелюбно, но немного странно. Иногда они внезапно прерывали разговор, когда я приближался или входил в комнату. Иногда бросали на меня многозначительные взгляды и кивали, бормоча что-то вроде: «Коля ведь у нас ещё не... Он ведь на испытательном сроке». Но я не парился по этому поводу.

Олеся Эдуардовна относилась ко мне как-то странно. Обычное ровное, деловое отношение вдруг сменялось приступами гнева и претензиями на повышенном тоне. «Все бабы — суки», — успокаивал я себя после таких вот выволочек, — «ПМС у неё там, или хахаль ночью не доебал, гы-гы». И становилось полегче.

Мой испытательный срок приближался к концу, и наша фирма выходила на крупную сделку с крупной итальянской фирмой «Мрацционни». Через пару дней в Москву на заключение контракта должен был прилететь её владелец и директор Энрико Мрацционни. На фотографиях он выглядел как породистый и кудрявый типичный итальянец, единственное, что смущало, это нестираемая печать порочности в его глазах, которую не могли скрыть ни шмотки (а одевался он только в вещи своей фирмы), ни аксессуары. Энрико был давним партнёром фирмы Олеси Эдуардовны, и на кухне шептались, что не только по бизнесу.

Документов нужно было готовить много, я засиделся в офисе до 22 часов. Олеся Эдуардовна сказала, что сама не уйдёт домой, пока самостоятельно всё не проверит. Я принёс папку с документами в кабинет, передал ей. Присесть мне Олеся Эдуардовна не предложила. Она медленно листала папку, внимательно проверяя все подготовленные мной бумаги. Я стоял навтыжку в полуметре от неё, и у меня появились сразу два нехороших предчувствия: что я сделал что-то неправильно, и что я нарвусь на очередную истеричную выволочку.

«Так, когда у тебя заканчивается испытательный срок?» — спросила Олеся Эдуардовна. «Через две недели,» — ответил я.

— Поздравляю, ты его не прошёл! Завтра утром положишь мне на стол заявление, или я тебя официально уволю тебя по статье!

— Но почему?! — у меня в горле встал комок — тут всё правильно!

— Ничего. Не. Правильно! — отчеканила она: «В спецификациях ты перепутал весь ассортимент, оставил условие о предоплате, хотя я говорила тебе, что завтра я вытяну у этого

кровопийцы отсрочку, ты даже умудрился ИНН нашей компании указать с ошибкой. Всё, уволен, пошёл вон, я закончу всё сама».

— Но я...

— Я же сказала тебе, ВОН!

Неожиданно, она выскочила из-за стола, и, потрясая папкой, налетела на меня. Эдуардовна, я просто...

— Значит так, Коля, если ты кончил, значит, наверное, ты хотел меня изнасиловать, и я это без последствий не оставлю. Ну а если ты описался, тогда ты должен продолжить это до конца, одно из двух. Выбирай.

Я понимал, куда она клонит, и выбора не было. Пописать себе в штаны из эрегированного члена вовсе не просто. Во-первых, физиология, а во-вторых — сильный психологический блок, заложенный в нас с самого детства.

Я молча закрыл глаза, и постарался расслабиться представить себе быстрый весенний ручек или фонтанчик. Секунд через двадцать у меня по левой ноге начало расплзаться большое мокрое пятно.

— Да, значит, всё-таки описался. Нельзя ходить на работу в мокрых штанах, молодой человек! Быстро всё снял!

Я скинул мокрые штаны и трусы, вытер второй, сухой штаниной мокрую ногу. Олеся Эдуардовна открыла ящик письменного стола, и бросила мне красный тряпичный комок, который я поймал на лету. Это были женские стринги, которые носили, как минимум, один день, даже с приклеенной к ним несвежей «ежедневкой». От трусов шёл несильный, но резкий запах пизды и женского пота.

На этот раз я понял Олеся Эдуардову без слов. Я с усилием натянул стринги на себя. Они было явно малы. Одна полоска туго врезалась в попу, другая пережала пополам мой член, который, не успокоившись до конца, склонился и потух, как седой наполеоновский гренадёр, смертельно раненный под Ватерлоо.

У меня были странные ощущения: с одной стороны, это было явное сексуальное извращение, которое до той поры я не мог представить себе даже в страшном сне. С другой стороны, меня охватил какой-то ступор, оцепенение, на который накладывалось желание валяться у Олеси Эдуардовны в ногах и выполнять все её приказы.

Олеся Эдуардовна сделала два быстрых шага ко мне, и подёргала меня за кустистые лобковые волосы.

— Ты работаешь в фэшн-компании, а развёл у себя на лобке джунгли. Чтобы завтра же всё было побрито. А также яйца и дырка.

С этими словами она неожиданно и стремительно засунула указательный палец левой руки мне в попу. Мой сфинктер попробовал сжаться и не пустить наглого захватчика, но результатом стало лишь жжение на нежном мужском месте от длинного ногтя Олеси Эдуардовны.

«Ты явно не голубой, даже не знаю, хорошо это или плохо,» — протянула она. А ну-ка, оближи! Она выдернула палец из попы и засунула мне в рот.

Я решил для себя, что сыграю в эту игру до конца, и посмотрю, что будет дальше.

Врождённая склонность к исследованиям и всему новому, человеческое любопытство во мне (подозрительно легко) победили казавшиеся ещё вчера незыблемыми мои моральные устои. «Именно так человек встаёт на путь греха,» — некстати всплыла у меня в голове мысль,

навеянная классической литературой.

Олеся Эдуардовна резко положила мне руку на плечо и толкнула вниз, я упал на коленки, упершись лбом в её промежность. Её голос доносился сверху: «Если бы не твоя упругая задница, которой ты так старательно повертел передо мной на собеседовании, ты бы у меня не работал. Ну что, ж, завтра я дам тебе последний шанс пройти испытательный срок, а пока я тебя немножко помечу. Рот держать открытым, глаза не закрывать.»

Она подняла вверх юбку, трусиков под ней не было. На меня смотрела классическая, узенькая женская пизда, с большим клитором и половыми губами, которые чуть-чуть свисали. Лобок был выбрит, но уже дня 3—4 назад, поэтому вокруг стала проступать чёрная, как уголь, короткая щетина, перемежаемая несколькими нежными розовыми прыщиками — наверное результатом слишком усердного бритья. Я понял, что она от меня ожидает «лизинга», как шутили мы с пацанами на парах по гражданскому праву, и поэтому бодро ткнулся носом в встретивший меня жёсткой щетиной лобок.

Совершенно неожиданно для себя я получил несильный, но болезненный удар по лбу. — Это право ещё надо заслужить! Быстро отодвинулся!

Я немного отстранился.

— Если закроешь рот хоть на секунду — выгоню в таком виде на улицу!

Олеся Эдуардовна прижала место на лобке, где начинались половые губы, обнажив ярко-розовый клитор и малюсенькую дырочку канальца для мочи. Через секунду оттуда вылетела мощная, терпкая тёмно-жёлтая струя, которая сначала залила мне весь лоб, глаза и нос, а потом Олеся Эдуардовна направила её прямо в мой рот. Меня просто «прибило». Было страшно и необычно, но останавливать это не хотелось.

Мощная струя лилась прямо ко мне в рот, стекая по горлу вниз. Я осторожно сглатывал, стараясь не закрывать рта. Когда струйка ослабла, я, повинаясь внезапному порыву, подался вперёд и поймал на язык последние капли.

— Инициативный, я же сразу поняла.

Голос Олеси Эдуардовны смягчился.

— Ладно, иди на своё место, исправляй документы. Хотя, постой, я, как твоя начальница, должна правильно тебя мотивировать.

Она опять подошла к столу, и вынула из того же ящика strapon средних размеров. Он была сделан из киберкожи, и выглядел как настоящая, мужская елда с небольшой головкой и рельефно вылепленными венами. Страпон было прикреплен к кожаной упряжке чёрной кожи.

— Что смотришь? В моей фирме угроза «выебу в жопу» всеми понимается буквально. После пары процедур даже самые ленивые становятся примерными работниками. Вот только меня беспокоит моя секретарша Леночка и Владислав, иногда мне кажется, что они специально косячат, чтобы нарваться на strapon.

— Может быть, тогда попробовать их без смазки? Сделав невинные глазки сказал я.

Олеся Эдуардовна звонко рассмеялась, обнажив ровные белые зубы.

— Ах ты бестия! Хорошо, я поощряю здоровую конкуренцию в коллективе. Все же, суки, самые умные, того и гляди, что наворуют или уведут объёмы к конкурентам. Нужно держать всех вас в тонусе.

Олеся Эдуардовна взяла меня за локоть и повела к моему рабочему месту. Тугие стринги при каждом шаге врезались в попу, с подбородка падали последние капли мочи Олеси

Эдуардовны. Она шла сзади.

Подойдя, она поставила strapon на кожаную подушку кресла и сказала: «Ну-ка, садись, это придаст тебе внимательности».

Не говоря ни слова, я поплевал на ладошку, обтёр головку strapon. Затем раздвинул руками ягодицы и постарался аккуратно насадить свою попку на него. Ничего не получалось. Олеся Эдуардовна смягчилась: «Ладно, помогу тебе для первого раза. Но, на будущее, в твоих же интересах всегда держать смазку под рукой». Она опять задрала юбку провела указательным и средним пальцем по своей пизде, немного даже углубившись в её согнутыми пальцами.

Олеся Эдуардовна нанесла эту вязкую, пахучую слизь на голову strapon: «Теперь будет полегче». Я опять раздвинул ягодицы, и начал садиться на резиновый член. Небольшая головка прошла через тугое колечко сфинктера, но дальше дело застопорилось.

Балансируя на весу я старался как можно аккуратней забраться на strapon, стоящий на моём рабочем кресле. Но мышцы ног были напряжены, и это не давало расслабить попу.

Неожиданно Олеся Эдуардовна, которая придерживала strapon одной рукой, положила вторую руку мне на голову и толкнула меня вниз.

Я резко упал на strapon, который неожиданно легко скользнул в мою попу. Неприятное ощущение «на самом выходе» компенсировалось приятным прикосновением к простате и неким «ощущением внутренней наполненности», которое так нравится бабам, предпочитающим крупные члены. Я выдохнул, сохраняя полное молчание.

— Молчишь? Хорошо. Вот тебе документы (она вернула мне папку), работай, а я поехала домой. Как доделаешь, в виде исключения можешь заказать корпоративное такси за счёт фирмы. Завтра важные переговоры с нашим итальянским партнёром, не мне тебе объяснять, что всё должно быть готово, и готово идеально.

Меня, если честно, пугали открытия, которые мне принёс сегодняшний вечер. Завтра предстоял новый день, и я был уверен, что всё самое пугающее и неприятно я уже прошёл.

Наивный, зелёный выпускник.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.